

Пóтык (2)

А день-от идёт да нонь ко вечору;
Красно солнышко катицьсе ко западу,
Ко западу катицьсе — ко закату.
А Владимир-от князь да стольне-киевьской
Пошел кнезь Владимир да в тёплу ложню спать
Со своей-от кнегиной да со Опраксеей,
Ише с той Опраксеей да с королевисьней.
А пир-от идёт да пир навесели,
А все на пиру да сидят, пьют, едят;
А все на цёсном да пьяны-весёлы.
А един на пиру сидит — не пьёт, не ест,
А не пьёт, он не ест — сидит, не кушает
Ише Потыки Михайло и сын Ивановиць;
Нецем же Михайло, сидит, не хвастает.
Ише нецем ле у Михайла да нонь похвастати:
Ише нет ле у Михайла да золотой казны,
Ише нет ле у Михайла да платья цветного,
Ише нет ле у Михайла да коней добрых,
Ише нет ле у Михайла да в поли выслуги?
Ише злы были бояра, да злы подводчики,
Они подмолвили князю да всё Владимиру:
«Ише Потыки Михайло сидит — не пьёт, не ест,
А не пьёт, он не ест — сидит, не кушает;
На тибя ле он, на князя, да лихо думает!»
Говорит Потыки́ Миха́йло да сын Ивановиць:
«Кабы был у Михайла, да у мя, доброй конь —
Я бы съездил, Михайло, да в землю дальнюю,
Я во дальнюю Землю да всё во Лямьскую;
Я бы стару-ту силу да всю конём стоптал,
Я воистых молоццей бы да в пень повырубил,
Я бы цисто-то серебро телегами катил,
Я бы красно-то золото — ордыньскою;
Я бы красных-то девушек — станицеми,
Молодых молодиць — да табуницеми,
Я бы добрых коней да табунами гнал!»

Тут пошел кнезь Владимир да стольне-киевьской,
Он сам говорит да таково слово:
«Уж ты ой, Потыкі Михайло да сын Ивановиць!
Скажут: в оцях ты, Михайло, да нонь не хвастаёшь —
По-за воцью, Михайло, да похваляисьсе!
Скажешь, был бы у Михайла, да у мя, доброй кон[ь] —
Скажешь, съездил бы Михайло² да в землю в дальнюю,
А во дальнюю Землю да ты во Лямскую.
Скажешь, стару-ту силу да всё конём стоптал,
Ты воистых молоццей бы да в пень повырубил;
Скажешь, цисто-то серебро телегами катил,
Скажешь, красно-то золото — ордынською,
Ишше красных-то девушек — станицеми,
Молодых молодиць — да табуницеми;
Скажешь, добрых-то коней — да тех табунами гнал!»
Говорят Потыки Михайло да сын Ивановиць:
«Таковых-то я рецей да не говарывал;
А и що к цёму придёт, дак я не пётюсе!»
Той будёт Михайло да на конюшин двор;
И седлал он, уздал да коня доброго,
И подвязывал подпруги да шолку белого,
А двенаццать подпруг да шолку белого,
А тринаццата подпруга — через хребётну кость —
А не ради басы, да ради крепости,
А всё ради храбрости молодецькое
Да для-ради опоры да богатырьского:
«Не оставил бы конь да во цистом поли,
Не заставил бы конь миня пешу ходить!»
Тут поехал Михайло да в землю в дальнюю,
А в дальнюю Землю да всё во Лямьскую.
А смотрели бояра со стены да городовое,
А смотрели поезку да богатырьскую:
А не видели поезки да богатырьское —
Они тольки ведь уж видели, как на коня он сел.
Из города поехал не воротами —
А через-где стену да городовую,
А через-де башни да наугольние:
А тольки лишь в поли да курева стоит,
Курева-та стоит, да дым столбом валит.

Здрaво стaл-де Мiхaйлo дa пoлём цистым;
Здрaво стaл-де Мiхaйлo дa рeкe бeстрыe;
Здрaво стaл-де Мiхaйлo дa в зeмлю в дaльнюю,
Вo дaльнюю Зeмлю дa вcё вo Лямьскую.
Он уж стaру-ту силу дa вcю конём стoптaл,
И вoистых мoлoццeй дa в пeнь пoвырубил,
Он цистo-тo сeрeбрo тeлeгaми кaтил,
Он уж крaснo-тo зoлoтo — oрдeньскoю,
Он уж крaсных-тo дeвушoк — стaницeми,
Мoлoдых мoлoдиц — дa тaбуницeми,
Он уж дoбрых кoнeй — дa тaбунaми гнaл!
Он уж прибрaл сибe дa пoлюбoвницю —
A прикрaсную Мaрью дa кoрoлeвисьню:
Ищe скoль-тo-дe Мaрья, дa лeбeдь бeлaя!
A сaдил он eю дa нa дoбрa кoня,
Нa дoбрa кoня сaдил дa впeрeди сeбя;
И пoexaли oни дa пo цисту пoлю.
Oни eдут кaк пo пoлю пo цистoму.
Нe издaлeця-дaлeця, дa из цистa пoля,
Из тoгo жe рoздoлья дa из ширoкoгo
И пoлзeт-дe змeя, дa змeя лютaя,
A лютa змeя дa пoдкoлoднaя.
Oнa пoлзёт вeдь к Мiхaйлy дa кo дoбру кoню,
A сaмa гoвoрит дa тaкoвo слoвo:
«Уж ты oй, Пoтыки Мiхaйлo дa сын Ивaнoвич!
Сoскoци-ткo ты, Мiхaйлo, дa сo дoбрa кoня,
Ты рoзуй-кo-сe, Мiхaйлo, сaпoг дa сo прaвoй нoги,
Ты сxoди-ткo-сe, Мiхaйлo, дa вo синё мoрe,
Зaцeрпни-ткo-сe вoды свeжo-ключeвoе,
Ты зaлeй мaть зeлeную дубрoвушку:
Eсь гoрит-дe в цистoм пoли кoвьиль-трaвa,
A в цистoм-тo вeдь пoли eсь цяс рaкитoв кус,
A в кусту у змeи дa eсь тeплo гнeздo,
A в гнeздe у змeи eсь дa дeти мaлыe.
Я нa нужнo тибe врeмe дa пригoжусь кoгдa-нeбудь,
Я нa нужнo тибe врeмe дa нeминущeё!»
Гoвoрилa тут Мaрья дa кoрoлeвисьня:
«Уж ты oй, Пoтыки Мiхaйлo дa сын Ивaнoвиц!
Нe слeзывaй ты, Мiхaйлo, дa сo дoбрa кoня,

Не розувай ты, Михайло, да ведь сапожецёк,
Не ходи ты, Михайло, да во синё морё,
Не зацерпывай воды свежо-ключевое,
Не заливай мать зеленую дубровушку —
Не отнимай у змеи да ты малых детей!»
Ведь тому-то Михайло да не поваровал;
Он и скоро соскоцил да со добра коня,
Он и скоро бежал да во синё морё,
Зацерпнул он сапог да ключевой воды —
Заливал мать зеленую дубровушку.
Они поехали опеть по полю по цистому,
Они доехали до стольнёго до города,
И до стольнёго до города до Киева.
Тут оставил Марью-королевисьню,
Он оставил у бабушки-поляноцьки,
Нагонил-де Михайло да коней добрые.
А навёз-де Михайло да злата-серебра.
Тут и делал Владимир-князь поцесьён пир.
Сидеци тут Михайло да на цёсном пиру,
Он и сам говорит да таково слово:
«Государь ты кнезь Владимир да стольне-киевьской!
Благослови, государь-князь, да мне женитисе!»
Говорит кнезь Владимир да стольне-ки[е]вьской:
«Тибе Бог благословит, Михайлу, женитисе!»
Говорит Потыки Михайло да сын Ивановиць:
«У миня полюбовница есть прибрана,
А оставлёна у бабушки-поляноцьки».
Весёлым-де пирком да то и свадёбкой
Пожэнилсэ Потыки Михайло да сын Ивановиць.
Повели-де Михайла да на подклет же спать
Со своей-де ёго да с молодой жоной,
С той с прекрасной же с Марьей да королевисьней.
Марья долго не валилась да на постелю спать,
Она долго по горёнки похаживат.
Говорит Потыки Михайло да сын Ивановиць:
«Що ты долго со мной, Марья,
Не валисье да на постелю спать?»
Говорила тут Марья да королевисьня:
«Уж ты ой, Потыки Михайло да сын Ивановиць!

Мы положим такую заповедь с тобой тяжёлую:
А которой у нас с тобой наперёд помрёт —
А другому-то да живому легци!»
Они положили такую заповедь тяжёлую:
А которой у их да наперёд помрёт —
А другому-то так живому легци.
То сколько времени они пожили.
Тут поехал Михайло гулять в чисто поле
А на вёсны на тихи да он на заводи
Он стрелеть-де гусей да белых лебедей,
Переперистых серых да малых утицей.
Как уехал Михайло гулять в чисто поле —
Помёрла у ёго тут да молода жона.
Нанимал кнезь Владимир да стольне-ки[е]вской,
Нанимал копать могилу да всё глубокую,
Повелел делать гробницу да белодубову.
Схоронили у Михайла да молодую жону —
А ту же ведь Марью да королевисьну.
Когда приехал Михайло да из циста поля,
Да с тихих ведь вёсных да он заведей, —
Ёго стрецят кнезь Владимир да стольне-ки[е]вской.
Он сам говорит да таково слово:
«Уж ты ой, Потыки Михайло да сын Ивановичь!
Помёрла ноньце твоя да молода жона —
Ище та ведь Марья да королевисьня!..»
Говорит Потыки Михайло да сын Ивановичь:
«Помёрла коли моя да молода жона —
А надоть ведь мне-ка да живому легци!
У нас положона была така заповедь, така тяжёлая:
Що которой у нас так наперёд помрёт —
А другому у нас так живому легци».
Тут пошел же Михайло да в нову кузьницу;
А сковал где Михайло двои клёщи железные,
А трети-ти клёщи да купил медные;
А и набрал Михайло свещ да воскуяровых.
Ёму сделали гробницу да белодубову;
Ише выкопали могилу да всё глубокую
А к той же к гообници да ёму к Марьиной.
Схоронили тут Потыка Михайла сын Ивановичя.

Засветил он много свещ там да воскуяровых,
А стоит-де уж он да Богу молицсэ.
А от той же гробници да всё от Марьиной
А [не] люта змея пользё-извиваицсэ:
Она хоцёт Михайла да всё ожарити.
А на ту пору Михайло да он ухватцив был:
Ухватил он ведь клёщи да всё железные,
Зажимал он змею в клёщи в железные,
Да бьёт-де, секёт прутом железным —
Да железни-ти клёщи возьмут роскоцяцьсе,
Да железно-от-де прут да переломицсэ.
Зажимал-де Михайло да во вторы клёщй,
Во вторы-ти он клёщи да во железные,
Да секёт-де он прутом да всё железным —
А вторы-ти клёщи возьмут роскоцяцьс[e],
А второй-де прут да переломицьсе.
Зажимал-де Михайло змею да в клёщи в медные,
А бьёт-де, секёт ей да прутом медным —
Ише медны-ти клёщи гнуцсе, не роскоцяцьсе,
Ише медн-от-де прут гнецсэ, да не ломицсэ.
Стало сáдко змеи да доставатисе;
Тут змолиласе змея, да змея лютая:
«Уж ты ой, Потыки Михайло да сын Ивановиць!
Ты прости меня, бабу да всё глупую,
Прости меня, женьшину, в первой вины:
Ише женьски-ти волосы долги — да ўмы коротки!»
А Владимир-от князь да стольне-ки[e]вской
Он и цясто ходил к Михайлу на могилу же,
Ходил же уж он да слезно плакалсэ.
Тут вопил-де, крыцел Михайло громким голосом!
Услыхал кнезь Владимир да стольне-киевской,
Прыказал розрывать скоро могилу да всё глубокою.
И розрыли могилу скоро глубокою —
Выходил тут Михайло да с молодой жоной.
То и сколько ли времени они пожили —
Опять уехал Михайло гулять в цисто полё.
А прошла товда слава да всё великая:
А що Бесмёртна есь Марья да королевисьня.
Как слышэли цари, много царевицей,

Да заслышэли королі да королевіці —
Оні съехалісь на полё на цистоё,
Оні бьюцьсе-деруцьсе да на цистом полі:
Да делят оні Бесмёртную Марью да королевісьню.
Да не много их, не мало — триццэтэ богатырей.
Когда пріехал Михайло да из ціста поля —
Говорит тут кнезь Владимир да стольне-ки[е]вської:
«Уж ты ой, Потыкі Михайло да сын Івановіць!
Как пріехало ведь ноньце триццэтэ богатырей;
Оні бьюцьсе-деруцьсе да на цистом полі:
А делят-де твою оні молоду жону,
Ту Бесмёртную Марью да королевісьню».
Нарежалсэ Михайло да в платы в Марыном;
Он пошол-де, Михайло, да на цисто полё,
Он і сам говорит да таково слово:
«Вы об цём дерітес-де, бьітес да на цистом полі?»
Отвечяют Михайлу сыну Івановіцю:
«Мы об том ноньце бьемсе-деремсе да на цистом полі:
Мы делим ту Бесмёртную Марью да королевісьню!»
Говорит Потыкі Михайло да сын Івановіць:
«Ище то есь я Бесмёртная Марья да королевічня!
Я уж выстрелю всем да вам по стрелоцькі;
А которой со стрелой ко мне наперёд прыбежит —
За того-то ведь я дак взамуж іду!»
Он і выстреліл всем да им по стрелоцькі;
А которой со стрелой к ёму наперёд прыбежит,
Он тому ведь придаст да смерть-ту скорую!
Он і всех их прибил да до единого.
То і сколько времени оні пожили —
Опеть уехал Михайло да во цисто полё.
Как прошла товда слава про Марью всё великая:
Що Бесмёртна есь Марья да королевісьня.
Как заслышэли цари, много царевиці,
А заслышэли королі да королевіці;
Наезджал как Ефремей тут да Вахрамеевиць,
Он увёз ту Бесмёртную Марью да королевісьню!
Когда пріехал Михайло да из ціста поля —
Ёго стрецят кнезь Владимир да стольне-[к]іевської,
Он і сам говорит да таково слово:

«Уж ты ой, Потыкі Михайло да сын Ивановиць!
Наежджал как Ефремей-та Вахрамеевиць,
Он увёз-де твою да молодую жону!»
А тепере-то Михайлу да делать нецёго,
Он уж скоро садилсэ да на добра коня,
И поехал Михайло в сугон за Марьею.
Наежджал ведь уж он их да на цистом поли,
На цистом-де поли да при белом шатри.
Не доехал тут Михайло да до бела шатра —
Он и вопит-крыцит своим громким голосом:
«Уж ты ой, Ефремей ты да Вахрамеевиць!
Выходи-тко ты на полё на цистоё:
А кому у нас на поли будет Божья помошшь,
Кому достанитсе Бесмёртная Марья да королевичня?»
А киналсэ-бросалсэ Ефремей тут да во белом шатри,
Выходил он ведь на полё на цистоё,
Выходила тут Марья да королевисья.
Да припетили они Михайла да ко сыру дубу,
Привязали опутинками шелковыма —
Сами уехали они да во цисто полё,
Увели у Михайла да коня доброго
И со всей ёго со сбруной да с богатырьскою.
Лёжоцись тут Михайло да под сырым дубом —
Не издалеця-далеця, да из циста поля
А ползёт тут змея, как да змея лютая,
Змея лютая ползёт да подколодная.
Приползла она к Михайлу да ко сыру дубу,
Перелизала опутинки шелковые —
Тут отскакивал Михайло да от сыра дубу,
И пошел-де Михайло в сугон за Марьею.
Он нашол-де уж их да на цистом поли,
На цистом поли настыг да при белом шатри.
Он и вопит-крыцит своим громким голосом:
«Уж ты ой, Ефремей ты Вахрамеевиць!
Выходи-тко ты на полё на цистоё:
А кому будёт на поли Божья помошшь,
Кому достаницьсе Бесмёртная Марья да королевисья?»
Говорила тут Марья да королевисья:
«Уж ты ой, Ефремей ты да Вахрамеевиць!

Уж тибе-ка с Михайлом да делать нецёго!»
Выходила сама к Михайлу на побытоцьку,
А брала-де Михайла да за русы кудри,
Овёрнула ёго да серым камешком —
Сами уехали они да во цисто полё.
А на этот-де ведь да на сер-горюць камень
Наежджал тут Добрынюшка Микитиць млад,
Сам слезно над камешком расплакалсэ.
Не изделеця-далеця, да из циста поля,
Из того-де роздолья да из широкого,
Идёт ведь уж тут да стар матёр цёловек;
Говорит тут Дубрынюшки Микитицю:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиць млад!
Ты уж що же над камешком расплакалсэ?»
Говорит тут Добрынюшка Микитиць млад:
«Потому я над камешком расплакалсэ,
Що во камешки есь да мне названой брат!»
Ище взял уж ведь этот да стар матёр цёловек
А взял-де уж он да серой камешок,
Да вызнял ведь он выше своей буйной головы,
Да бросил ведь он да о сыру землю —
А надвоё камень да росколупицьсе,
Тут выскакивал Михайло да сын Ивановиць!
Говорит ёму Добрынюшка Микитиць млад:
«У[ж] ты ой, Потыки Михайло да сын Ивановиць!
Не ходи ты ведь боле да уж за Марьею:
Потеряшь ты свою да буйну голову!»
Говорит Потыки Михайло да сын Ивановиць:
«А хоша ведь уж мне-ка да живому не быть —
Не поступлюсь я Бесмёртною Марьей да королевисьней:
А как я нонь выйду да на Святую Русь —
Меня малы-ти ребята да нонь дразнить станут,
Скажут: „Потыки Михайло да потерял жену,
А жону потерял да и со добрым конём
И со всей ёго со сбруной да с богатырьскою!”»
А пошел опеть Михайло в сугон за Марьею,
Он дошел тут до города Ефремеёва.
По-за городу ездил-гуляла тут Марфа да Ефремеёвна;
Прибрала она Михайла сына Ивановиця,

Посадила 'на в повозку да сибѣ в тѣмную,
Завѣзла-де она да ведь во свой город,
А во свой она город да на широкой двор.
Заходил тут Михайло да в светлу светлицю.
А Ефремея Вахрамеевиця в доми да не слуцилосе:
Он уехал гулеть да во цисто полѣ.
А стрецяла тут Марья да королевисьня,
А садила ёго 'на за дубовой стол,
Напоила-накормила да ёго досыта,
А сама говорила да таково слово:
«Уж ты ой, Потыки Михайло да сын Ивановиць!
Как приедѣт Ефремей тут да Вахрамеевиць —
Я куды ведь уж нонь тибя девать стану?»
Говорит Потыки Михайло да сын Ивановиць:
«Ты закинь-кось под перину миня да под пуховую!»
Она закинула под перину ёго да под пуховую.
Как наехал Ефремей тут да Вахрамеевиць,
Заходил-де уж он да во светлу грьдню,
А садилсѣ ведь он да за дубовой стол
А хлеба-де, соли да он кушати.
Говорыла тут Марья да королевисьня:
«Уж ты ой, Ефремей ты да Вахрамеевиць!
Кабы был Потыки Михайло да сын Ивановиць —
А що ты над им да стал бы делати?»
Говорит Ефремей тут да Вахрамеевич:
«Я бы ссек у ёго да буйну голову!»
И откинула Марья перину скоро пуховую —
Ише в та поре Ефремей тут да Вахрамеевиць
Он схватил со стены да саблю вострую,
Он и прямо скоцил да через золот стол,
Да через свои есвы да всё сахарные.
Говорит Потыки Михайло да сын Ивановиць:
«Уж ты ой, Ефремей ты да Вахрамеевиць!
Ты мне дай строку до утра да хошь до ранного,
А до ранного утра, да до светлой зори!
Ты ссекѣшь нонь у мя да буйну голову —
И нехто то не знат да не ведаѣт!
Ты роскуй меня на стену да городовую —
А пройдѣт тода слава да всё великая:

Росковал Ефремей да Вахрамеевиць
Ише сильнёго руського могуцёго богатыря!
И тепере-то ведь я дак у тибя в руках».
Ише в та поре Ефремей да Вахрамеевиць
Росковал ёго на стену да городовую.
А ночь-та прошла, да Бох и день даёт.
Поежджат Ефремей тут да Вахрамеевиць,
Поежджат он гулеть да во цисто полё,
По Михайловой по смерти да он потешицьсе
Со своей он ведь с Марьей да с королевисьней.
Он зовёт ведь свою доцерь любимую —
Ище ту-де уж Марфу да Ефремеёвну:
«Уж ты ой еси, Марфа да Ефремеёвна!
Мы пуюдём гулеть да во цисто полё
Мы со свёей со силой да со военною;
Ты поедём же с нами да во цисто полё!»
Говорит тут ведь Марфа да Ефремеёвна:
«Не могу я с вами ехать да во цисто полё,
По Михайловой по смерти да я потешицьсе!
Вы оставьте мне вы Михайлова добра коня
И со всей ёго со сбруной да с богатырьскою:
Буди дас Бог мне полегце — дак я и выеду,
А не дас Бог полегце — дак и не выеду!»
Тут поехал Ефремей гулять в чисто полё,
По Михайловой по смерти да он потешицьсе.
Как уехали они да во цисто полё —
Еще в та поре Марфа да Ефремеёвна
Она снимала Михайла со стены [и] да с городовое,
Выводила она ёму добра коня.
Тут поехал Михайло да во цисто полё
Да к тому же Ефремею да Вахрамеевицю.
Как увидял Ефремей тут да Вахрамеевиць,
Говорит своей Марьи да королевисьни:
«Эвон едёт моя доци любимая —
Молодая едёт Марфа да Ефремеёвна!»
Говорит ёму Марья да королевисьня:
«Это едёт Потыки Михайло да сын Ивановиць!»
Говорит Ефремей тут да во второй након:
«Уж ты глупая, Марья да королевисьня!

Это едѣт моя доци любимая —
Молодая едѣт Марфа да Ефремеѣвна!»
Говорит тут ведь Марья да королевисьня:
«Это едѣт Потыки Михайло да сын Ивановиць!»
Говорит Ефремей тут да Вахрамеевиць:
«Уж ты ой еси, Марья да королевисьня!
Кабы ты у меня да не в любви была —
Я бы ссек у тебя да буйну голову!»
Тут приехал Михайло до силы Ефремеѣвой.
Он и ўцял по силы да тут поездживать:
Он куда приворотит — да улицей валит,
А назад отмахнѣт — да целой площадью!
Он доехал до Ефремея до Вахрамеевица —
Он ссек у Ефремея да буйну голову!
Говорила тут Марья да королевисьня:
«Уж ты ой, Потыки Михайло да сын Ивановиць!
Ты прости меня, бабу да всё глупую,
Ты прости меня, женьшину, в второй вины:
Ишше женьски-ти волосы долги — да умы коротки!»
А тому-то Михайло да не поваровал.
Он отсекал ведь у Марьи да руку правую,
Он и сам говорит да таково слово:
«Мне-ка ета рука боле не надобна, —
Обнимала поганого тотарина!»
Он отсекал ведь у Марьи да нос и с губами:
«Мне-ка ети ведь губы боле не надобны, —
Цѣловали поганого тотарина!»
Он отсекал ведь у Марьи да ногу правую:
«Ище эта нога мне боле не надобна:
455Оплѣтала поганого тотарина!»
А затем-то Михайлу да и славы поют,
А славы ёму поют да и старины скажут.

(Зап. А. Д. Григорьевым 26 июля 1901 г.: д. Кильца Погорельской вол. — от Чуповой Анны Петровны (урож. д. Гришино на р. Вижас), 72 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.